

Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобоштица (округ Корчи, Албания)*

Село Бобоштица (алб. *Boboshticë*; бобошт. диал. *Boboštica/Boboščica*) находится примерно в семи километрах на юг от албанского города Корча (*Korçë*). На сегодняшний день там живет шесть носителей островного славянского говора. Кроме того, какое-то количество носителей диалекта проживает в Тиране и Корче, где они оказались в результате трудовой миграции, также в других городах и странах. Значительные перемены в национальном языковом облике села происходили на протяжении второй половины XX века. Еще в работе А. Мазона (Mazon 1936) указывается, что в большей части 187 домов села живут славяне¹. По мере миграции коренных жителей, село заселялось арумынами и албанцами. На настоящий день в селе проживает около 1400 жителей (Steinke, Ylli 2007), среди которых арумыны, албанизированные арумыны, славяне, албанизированные славяне и албанцы. В качестве *lingua franca* в селе используется албанский. Все носители славянского говора двуязычны, при этом уровень владения родным языком колеблется от очень уверенного до низкого. Носители говора могут использовать его в общении между собой, но обычно используют албанский. Кроме того, есть небольшое количество албанцев (находящихся в родстве или свойстве с носителями говора), которые в определенном объеме владеют славянским диалектом. Сами носители называют свой диалект *kajnas*², досл. 'у нас' или 'кайны' (Dhamko 2010: 15) — это название и будет использоваться в настоящей работе. В определении своей национальной принадлежности носители колеблются — некоторые называют себя македонцами, некоторые — болгарями. При интерпретации языкового материала, получаемого от носителей,

---

* Работа выполнена по теме Программы Президиума РАН «Балканский текст в этнолингвистической и этнолингвистической перспективе» (рук. Т. В. Цивьян).

¹ А. Мазон не указывает точного количества жителей, но К. Штайнке и Дж. Юллы предполагают на основе указанного количества домов, что оно достигало 2000.

² Носители также используют словосочетание *kajnas jazik* 'язык кайнас'. Французский исследователь М. Куртъяд на основе лексикостатистического анализа списка Сводеша приходит к выводу, что кайнас следует признать отдельным южнославянским языком (Courthiade 1993: 323). На наш взгляд, при определении статуса идиомы следует принимать во внимание также социолингвистические факторы, поэтому в настоящей статье мы предельно кайнас как островной славянский говор, без указания его языковой принадлежности. При сравнении его с болгарским и македонским литературными языками слово 'литературный' в их обозначении для краткости опускается.

следует учитывать не только их двуязычность, но и их образование и опыт общения с носителями других языков: некоторые носители диалекта и их родственники учились во французском лицее в Корче, в Праге, Кракове, Париже и Москве. Из двух носителей, записи речи которых использовались при подготовке настоящей статьи, один — Ильо Кунешка (1925 г. р.) — закончил Французский лицей в Корче и Пражский университет, владеет греческим, чешским, французским, русским; вторая — Эльпи Манчо (1936 г. р.) — до пенсии работала учительницей албанского языка в сельской школе.

Настоящая работа основывается на нескольких источниках. В 2007 г. К. Штайнке и Дж. Юллы опубликовали монографию «Славянские меньшинства в Албании» (Steinke, Ylli 2007), в которой описали современную грамматическую систему говора и опубликовали почти двухчасовые расшифрованные записи говора, а также текст об истории села, записанный информантом И. Кунешкой (около 2000 слов). В этой монографии в основу описания бобоштенского говора положены записи информантов И. Кунешки и С. Бамбулы. (Большинство записей сделаны с И. Кунешкой.) Кроме того, в сентябре 2010 года во время стажировки в Государственном университете Тираны и Институте культурной антропологии и искусствознания мы провели лингвистическую экспедицию в Бобоштицу. Было записано около трех часов живой диалектной речи (основная тематика — праздники и традиции, фольклор, история села и история семьи информантки Э. Манчо), из которых на настоящий момент расшифрован материал объемом в 8300 слов. Э. Манчо записывает фольклор Бобоштицы самостоятельно (см. приложение), но поскольку нас интересовала в первую очередь спонтанная речь, ее заметки учитываются в меньшей степени.

Система личных местоимений в говоре — прекрасная иллюстрация современных изменений, происходящих в говоре, как под влиянием албанского языка, так и в силу внутрисистемных факторов³.

Материал, опубликованный в монографии К. Штайнке и Дж. Юллы, наиболее подробно описывает речь одного носителя — И. Кунешки. В силу традиций, связанных с гендером, И. Кунешка долгое время проработал вне села, владеет греческим, чешским, французским и русским языками (а также регу-

---

³ Говор Бобоштицы достаточно давно привлекает исследователей: кроме работы А. Мазона (часть I: Mazon 1936; часть II: Mazon, Filipova-Vajgova 1965), ему посвящены работы Šrámek 1934, Видоески 1981; Courthiade 1988 и 1993; Спасов 2001, а также Steinke, Ylli 2007. Говор представлен и в Общеславянском лингвистическом атласе (пункт 106, обследован в 1972 г. Л. Джамо-Джаконицей: ОЛА 1994: 74).

лярно слушает македонское радио), и в его речи очень ярко проявляется языковая интерференция, для которой достаточно сложно определить источник, а в некоторых случаях, по-видимому, источник не один: помимо албанского языка, это македонский⁴ и (иногда) чешский⁵. При этом пока сложно сказать, в какой мере эта интерференция носит системный характер, а в какой имеет характер переключения кодов от случая к случаю под влиянием дискурсивных факторов. В то же время, И. Кунешка дифференцирует свой родной говор и иноязычные включения: при просьбе повторить или объяснить употребление таких включений он, как правило, замечает: «Это на таком-то языке, а на кайнас следовало бы сказать так-то».

Речь Э. Манчо значительно отличается от речи И. Кунешки. Источником интерференции в большинстве случаев является албанский язык, поскольку всю свою жизнь эта информантка прожила в селе и владеет только двумя языками — своим диалектом и литературным албанским, который она преподавала в школе. Ее речь дает совершенно иную перспективу для рассмотрения системы говора.

Помимо этого, если К. Штайнке, Дж. Юллы и М. Куртьяда больше интересуется «идеальное состояние» системы говора (в том же смысле, в каком мы говорим об «идеальном газе»), то мы обратим внимание на новые элементы, которые появились в говоре в процессе контакта с другими языками (прежде всего с албанским), а также на те элементы, которые говор утратил. В случае необходимости мы также будем обращаться к монографии А. Мазона и большой обзорной статье М. Куртьяда. Впрочем, при сравнении с тем этапом развития говора, который описал Мазон, заметно значительное количество инноваций, в основном обязанных своим появлением интерференции с албанским. Албанские заимствования (слова и конструкции) в речи информантов отмечаются курсивом, при их записи используется современная албанская орфография. Ударение выделяется подчеркиванием. Информанты обозначаются следующим образом: Э. Манчо — ЕМ, И. Кунешка — ИК (по нашим записям), ИК-StY (по записям Штайнке и Юллы).

⁴ Например, использование македонского форманта будущего времени *ke* вм. кайнас *џа* — однако при просьбе повторить высказывание Ильо использует *џа*, отмечая, что *ke* используется в македонском.

⁵ Наиболее яркий пример — использование перфекта по модели *(j)sem bil* вместо *пориста* (при том, что в говоре используется перфект по модели *imat bandženo*, а л-формы используются только как адмиратив).

Современное описание фонетики говора сделано К. Штайнке и Дж. Юллы. Мы используем их систему записи с добавлением дифтонга ɛ^6 (примеры, заимствованные у других авторов, мы приводим в их орфографии). Ударение в большинстве случаев падает на второй от конца слог. Апостроф обозначает мягкость. Для облегчения чтения записи вместо знаков, обозначающих паузы, используются знаки препинания⁷, кроме того, несмотря на то, что конечный звонкий согласный в говоре оглушается, мы прибегаем в таких случаях к морфологическому способу записи, отмечая его как звонкий (например, *toz* 'этот; он', а не *tos*, и т. д.)

Систему склонения личных местоимений в говоре на синхронном уровне сложно восстановить в полном виде, исходя из имеющегося материала. Поэтому для заполнения некоторых ячеек таблицы мы привлекли материал А. Мазона и М. Куртьяда (в этом случае формы находятся в фигурных скобках; если синхронный материал для данной ячейки отсутствует, то ячейка закрашена серым). В тех случаях, когда диахронический материал не соответствует тому, что мы наблюдаем, в одной ячейке помещаются обе формы:

Единственное число

	Nom	Полные		Краткие	
		Acc	Dat	Acc	Dat
I	<i>jas, jesa, jeska(j)</i> ⁸	<i>m̄ene, mene</i>		<i>me</i>	<i>mi</i>
II	<i>ti</i>	<i>tebe</i>		<i>te</i>	<i>ti</i>
III	<i>toz(i), toj</i>	<i>nego, {togva}</i>	<i>tomu</i>	<i>go, gu, o</i>	<i>mu</i>
	<i>taz(i), taa</i>	<i>{taz}</i>	<i>{t̄az}</i>	<i>ja, jo, go</i>	<i>je, mu</i>
	<i>to</i>	<i>nego, {toz}</i>	<i>{tomu}</i>	<i>go, gu, o</i>	<i>mu</i>

⁶ Подробнее об этом дифтонге см. (Šrámek 1934: 174, Courthiade 1993: 253–255). Позиционно он совпадает с дифтонгом, который А. Мазон записывает как ɛ^6 ; впрочем, этот автор указывает, что в речи бобоштитской молодежи (т. е. отцов и матерей современных носителей диалекта) вместо ɛ^6 может произноситься e (Mazon 1936: 16). Б. Видоески записывает этот дифтонг как $\text{j}+\text{a}$ (Видоески 1981: 754) и возводит его к сочетанию *ja* (*jaskaj*), ɛ (*bjal*, *n'jaščo*) или ɛ (*jazik*).

⁷ Точка — долгая пауза в конце законченного периода;

запятая — пауза внутри периода;

многоточие — незаконченный период;

кавычки — речь других людей.

⁸ У Штайнке и Юллы как вариант даются (*j)esa* и (*j)eska(j)*, зарегистрированные ими в речи И. Кунешки.

Множественное число

			Полные		Краткие	
	Nom		Acc	Dat	Acc	Dat
I	ni(j)e		nas	nam	ni, ni(j)e	
II	vie		{vas}	{vam}	vi	
III	{tija}	ti(j)a,	{nij}	{t'ám}	i, gi	mu
	{t'ás}, {t'ázi}	ti(j)e, tjeje, te				

Как и в болгарском и македонском, в кайнас противопоставляются полные и краткие формы личных местоимений и выделяются три падежа: Им., Вин., Дат. Как в болгарском (но не как в литературном македонском), у кратких личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. не противопоставляются формы Вин. и Дат. падежей (ср. болг. *ни* 'нас, нам'; *ви* 'вас, вам' vs. макед. *не* 'нас', *ни* 'нам'; *ве* 'вас', *ви* 'вам'). Однако, в отличие от болгарского и македонского, где Дат. п. полных форм местоимений образуется синтетически на основе Вин. п. (и, таким образом, Вин. п. превращается в своего рода *casus generalis*, ср. болг. и макед. *него* 'его' и *на него* 'ему'), в кайнас сохраняются особые основы Вин. п. (из которых по крайней мере две — Дат. п. 3 л. м. р. ед. ч. и 1 л. ед. ч. — зарегистрированы и в современном материале). Обращает на себя внимание обилие вариантов форм, связанное как с особенностями произношения, так и с размыванием противопоставления между разными формами и их совпадение в одной общей.

Далее хотелось бы остановиться по очереди на основных формах таблицы.

MIENE/TEBE: Go *mame zakon* šo ti šo *esi prijetel* u *mjene*, *jeskaj* da te *kānakvam tebe*, so *tjes ščo imam* (EM).

Полные формы *mjene*⁹ и *tebe* встречаются в нашем материале с предлогами (*u mjene*; *za méne* и под.) или в конструкции с местоименной репризой (*da te kānakvam tebe*) — по-видимому, правила ее употребления не отличаются от правил литературного македонского (и болгарского) языка (где полные формы используются только с предлогами, в случае логического выделения и в неполных предложениях).

ME/MI и TE/ТИ: *i nje ka da veljme esme daleče* i *ka ti me da činiš* i *jeska kažav da te činam edhe*; i *me reče*, *mi reče*, *nemoj kaža* (EM); *spolajte*, *ne me se*

⁹ Штайнке и Юллы регистрируют один раз в речи И. Кунешки *méne*; Э. Манчо использует только форму *mjene*.

pfje; toj **me** uvél'i, sije se mnógo dóbri l'júdi, svje íme e dóbro (IK-StY). Обращают на себя внимание случаи смешения Вин. и Дат. падежей 1-го и 2-го л. ед. ч. (*me* vs. *mi*; *te* vs. *ti*). Во всех случаях смешения форм в бобоштенском диалекте *me/te* используется вместо *mi/ti*, но никогда не наоборот. Здесь также возможно влияние албанского языка, в котором формы Вин. и Дат. падежей местоимения 1-го (и 2-го) л. ед. ч. совпадают: *më*._{1sg.Dat} и *më*._{1sg.Acc}, *të*._{2Sg.Dat} vs. *të*._{2Sg.Acc}. Местоимения *mi* и *ti* используются и как притяжательные клитики: в этом случае они ставятся после определяемого слова.

TOZ(I)/TOJ, TAZ(I)/TAA, TO: Za **toz** se vel'i Nikulica; I **toj** se klava vo eden itis; "Dobro", mu reče **taz**, i otidoje kaj kaštata; koga se čini ena kašta nova, i togaz grej popo, kada esti storena, **taa** esti kinisana (EM); **Tozi** esti od Gãrcija, uzo se zove (IK); **Nje, to jesti, to tje** ese rabota ingjenerike za kaštata (EM).

В говоре указательные и личные местоимения 3-го л. совпадают. Кроме того, местоимения муж. р. могут использоваться вместо ср. р. (ср. *za toz* 'для этого', ср. болг. *затова*, макед. *затоа*).

GA/GO/GU/O; JA/JOJ/JO/JE; MU; NEGO: I **toj** majstoro reče, **ne ga** ubrejte. **Nje nje, reče** majka mi, ubij **go**; Ža mu go davreje kravajčeto, i ža mu vel'eje, kravajčeto **nje gu** mame šimbol', šo kravajčeto šo esti blago, sika da esti blago i družbata... naša; otvori **go** portata, mu reče (EM); jas ke o ftasa što ímaše jena žena što pomóгнаše támo (IK-StY); No togaz činreše pret-šest nediel'e detjeto šo esti rodeno i se karstreše. Gredreše **joj** kumo, odreje vo cãrkva so voda topla kad je karsten'eto; **Nje, ne** se prodadvi tua. Jeska **je** imam dadeno; Gredreje pret-šest čel'et u majka je, majka je be len'ata vo postel'e, i **mu** vel'eje, čel'eta šo vl'egvreje, **mu** vel'eje imreto ka **mu** klavaa; Ka se žen'eše čupata, tatka mu **mu** zavedreše vo mažo, **mu** davreše pamet. *Florinj*. I sas se viki prika (EM); i **mu ga** dal na nego; e bre táka, mo **gu** rékaj, mo **gu** rékaj¹⁰; ímaše kúžina da **go** pomóže na l'júдите; ko jo zema si ódi po kaštata, urkáje kašta, da mu dávat pári (IK-StY).

К. Штайнке и Дж. Юллы дают в качестве синонимических формы *ga/gol/gu*. Чаще всего (и в речи И. Кунешки, и в речи Э. Манчо) используется форма *gu*. Поскольку это безударная клитика, то во многих случаях качество гласного (*o* или *u*) определить достаточно сложно; впрочем, в нескольких случаях встретилась и клитика *ga*. По-видимому, эти три клитики совершенно синонимичны. В речи Э. Манчо, насколько можно судить по обработанному нами материалу, краткое местоимение *gu* используется для всех трех родов (как в албанском — *e*._{Fem.Acc} = *e*._{Masc.Fem}). А. Мазон и М. Куртъяд указывают, что местоимение Вин. п. *go* используется только для м. и ср. р., а для ж. р.

¹⁰ Возможно, оговорка вместо *mu go rekaj*.

используется местоимение *jo*: очевидно, в речи Э. Манчо произошло сокращение парадигмы (впрочем, она использует *joj* в значении притяжательного местоимения ср. р.: No togaz činđeše přet-šest nedřel'e detřeto šo esti rodeno i se karšteše. Gredđeše joj kumo, odřeje vo čarkva so voda topla kad je <sic> karšten'eto). В то же время, в речи И. Кунешки местоимение *jo* используется для женского рода вместе с местоимением *go*, ср. otvori go portáta; go stvori sos rabota, no i vodáta ... ko jo zema si odi po káštata (IK-StY).

Полное местоимение *nego* зарегистрировано только в речи И. Кунешки, а аналогичного местоимения ж. р. в записях не найдено. Дат. п. местоимения 3-го л. для всех трех родов (а также для мн. ч.) совпадает — *tu*. Как притяжательные используются местоимения *tu* (для всех родов и чисел) и *je*, при этом они могут быть синонимичны: I umren otđe, go donese sestra je pri majka je (хотя следовало бы ожидать как минимум *sestra tu*, поскольку действующее лицо — мужчина). Здесь уже нельзя видеть прямое албанское влияние, поскольку в албанском языке, в отличие от балканославянских, притяжательные местоимения образуют независимую от личных местоимений систему (ср. притяжательные местоимения *motra e tij* 'его сестра', *vëllai i tij* 'его брат', *motra e saj* 'ее сестра', *vëllai i saj* 'ее брат' и личные местоимения *E shikoj atë* 'Я вижу его/ее', *I shpjegoj atij/asaj mësimin e ri* 'Я объясняю ему/ей новый урок'¹¹).

НИЕ/НИ/NAS/NAM: I ni vel'e: storđete sami, za ot decđete vaše, ot selo. Toko nie nemame decđe... đřete; nie ne umiráme žoš nemame marrđhenje so Bulgarija; Imame ustanáto Bulgarija, toko ne zvđeše nikoj kašo da ni veli nam, ža odđe ili ne ža odđe; I nie kaj vel'ime se rodi edno čřendo, naprimer, i dođođe u nas, u mđene, mi rekoje šo vnukot tvoj rodi čřendo. (EM); nášiot, nášijat daržáva sákaše da čmaše nekođ dolári mu třebaše i togas ni rekoe na nas, na nas, sel'žáni (IK-StY).

Между формами *ni*, *nas* и *nam* сохраняется противопоставление (*nas* и *nam* — «полные» формы местоимения, *ni* — «краткая»). К. Штайнке и Дж. Юллы указывают, что форма *nie* может использоваться как синонимическая для *nas* и *ni*. Скорее всего, это характерно только для речи И. Кунешки, но не Э. Манчо.

ВИЕ/VI: i vie nemáte šo da ni činđite; ne ni třebi niš, toko družbata šo nie storđime so vas, třebi nie da go dardžime (EM); šo vi interesára albanskata žazik (IK).

¹¹ *E* и *i* — краткие формы местоимений винительного и дательного падежа; *atë* и *atij/asaj* — полные. В данных предложениях происходит местоименная реприза.

К. Штайнке и Дж. Юллы указывают следующие формы косвенных падежей этого местоимения: *vilvas/vie*. А. Мазон и М. Куртьяд упоминают также форму *vam*, однако она не зарегистрирована ни у Штайнке и Юллы, ни в нашем материале.

ТИ(Ј)А/ТИ(Ј)Е/ТИЕЈЕ/ТЕ/И/ГИ/MU: I **tija** pišea, ka da kaža o[volj] v̄ieko s̄ies č̄endo, so koga ža se maži, ža se ženi, šo rabota ža čini, ža esti so sm̄en'e ili ža esti so plačen'e, i sika; so tri dni **tija** da gr̄ede; neŝti vo rakata naša, mu rekoj šo, **tija** mi rekoja, ako ni vel'e ža odime, ža odime, ako n̄ie, ne ža odime, šo se činite tolkav merak; i s̄ies se čin̄eje žoš n̄ie m̄eje mnogo znan'e, shkenca, ne m̄eše shkenca, i **treje** da se brane od neštata slabo; Ža odime da, vo Bulgarija, toko storiti te dokumentiti; Tre ese, tres m̄esta ese so, mladiti ne zn̄ie a n̄ie stariti go zn̄iem (EM); ot André Mazón se dve knigi, **gi** zn̄ate, párvata i vtórata; dobre do ka dójde vójnata ne se móžeš da i púšta túka tija tózi pári; da **mu** réčite na sel'jánite za da, za da plátat; Eden sin tógav, dur posl'édnite gódini beše glávniot čóvek na demokráckata pártja vo Rumánja, zn̄áci **te** se gárnati itámo (IK-StY).

По описанию А. Мазона, указательное местоимение мн. ч. совпадает с личным местоимением 3-го л.: *tija*, *ʔäs*, *ʔäzi*¹². М. Куртьяд дает только одну форму личного местоимения (и не приводит форм соответствующего указательного местоимения): *təz* [t̄ez]. К. Штайнке и Дж. Юллы описывают вместе и личное местоимение 3-го л. мн. ч. 'они', и указательное местоимение мн. ч. 'эти'. В речи Э. Манчо указательное и личное местоимение совпадают: *ti(j)a / ti(j)e / treje / t̄ez / te* 'они, эти', при этом от противопоставления по роду не осталось и следа.

Даже предварительное исследование системы местоимений говора показывает значительную вариативность как в речи одного носителя, так и между речью отдельных носителей. Говор испытывает сильное влияние со стороны литературного албанского языка. Наблюдается расширение функций отдельных грамматических элементов, сокращение целых парадигм. Ряд грамматических элементов начинает восприниматься как синонимический (местоимения первого и второго лица единственного числа в дательном и винительном падеже). При этом говор всё же продолжает сохранять свои коммуникативные функции и по-прежнему содержит важные архаические особенности, представляя собой уникальный пример архаического диалекта, развивающего инновации под иноязычным влиянием.

¹² При этом последние две формы взаимозаменяемы.

Литература

- Видоески 1981 — Видоески Б. Бобоштица // *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo, 1981. S. 753–761.
- ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.
- Спасов 2001 — *Спасов Љ*. Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материјал) // XXVII Научна конференција на XXXIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.
- Courthiade 1988 — *Courthiade M.* Les derniers vestiges du parler slave de Boboščica et Drenovene (Albanie) // *Revue des études slaves* 60/1. P. 139–157.
- Courthiade 1993 — *Courthiade M.* Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237–326.
- Dhamko 2010 — *Dhamko S. T.* Boboshtica. Historie. [Б.г.], 2010 (Рукопись).
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V).
- Mazon, Filipova-Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M.* Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques – VIII).
- Šrámek 1934 — *Šrámek E.* Le parler de Boboshtica en Albanie: étude expérimentale d’une prononciation // *Revue des études slaves* 40/3–4. P. 171–203.
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

Summary

M. M. Makartsev

**The system of personal pronouns in the Slavic dialect of Boboshtica
(rrrethi i Korçës, Albania)**

There are only 6 speakers of the archaic Slavic dialect living in Boboshtica, all that is left of the formerly monolingual autochthonous Slavic population of this village. All these speakers are monolingual and Albanian is the main language for communication for them. The name they use for the dialect is *kajnas* ‘like us’ or ‘at us’. Though the data we have is limited, it contains almost all personal pronoun forms. The system generally corresponds to what we find in Bulgarian and Macedonian (3 case forms: N, Acc, Dat; long vs. short forms; no opposition between Acc. and Dat in 1st and 2nd Pl, like in Bulgarian). At the same time, specific Accusative stems (like *nam* ‘1pl.Acc.’) are still in use. In 1sg and 2sg the short forms for Acc. and Dat. are mixed, which can be a result of an influence from Albanian. Indicative and personal pronouns (3rd person) match. Elpi Manço uses 3sg.Acc *go* for all the 3 genders; Il’o Kuneshka uses *jo* for 3sg.Acc.Fem together with *go*. 3sg/pl.Dat is *mu*, but the feminine possessive pronoun *je* can be used as well, sometimes even for masculine nouns. Here we cannot trace any

direct influence from Albanian, because in that language possessive pronouns are separate from personal.

Even a preliminary study shows a huge variety between the forms used between different speakers. Some grammatical elements broaden their use; other disappear at all. At the same time the dialect still retains its communicative functions, thus presenting a unique example of an archaic dialect, where innovations are spread under foreign influence.

Приложение.

Тексты на славянском диалекте с. Бобоштица

Сказка о мертвом брате¹³

ММ: [А пели ли в Вашем селе песню о матери, у которой были сын и дочь, которую выдали замуж в далекое село, а сын, который должен был ее привезти домой, умер?]

ЕМ: Да, Kostandinice mlada, *jo*, *nje* Kostandinice mlada, na kajnas jezik *nie* go *mame druga*, Kostandinice mlada *nevjesta*. *Saz priesna zborvi* za Kostandine *šo* go *zvie asker*, a *soz* *šo* *velite vie*, *esti sipas*, *ne* se *prie* so *glas*, *šo* *velime nie*, *toko* se *razkazi*, se *razkaziva*.

ММ: *Përallë*¹⁴.

ЕМ: Е, *përallë*, да. *Břeše ena majka*, *imješe...* *Kishtë nëntë djem*, *ishte dhe një vajzë*, *Gjeraqina břeše vajza*, *dhe*¹⁵ ... i *Gjerakina* *ža* se *ženje*, *ža* se *mažješe* mnogo mnogo *daleko*, *brakata nejkeje* da go *žene*, da go *maže telka*, *daleko*, *žoš nema* koj da *odi* da go *zemi*, da se *vрати* vo *kaštata*. *Eden djeete*, po *malečok bje*, *šo* se *zovješe Kostandin*, mu *reče* *šo*, “*Ža oda* i, i *ža* go *zemam koga* da *pojki* *majka* mi, *jeskaj* *ža* *oda* i da go *zemam*, *toko* *ža* go *ženime tamo*”, *toko* *imje besa*¹⁶. I se *stori* *šo* *sviti brat umrijeje*, i *ostana* *šo* *nemješe* ko da *odi* i da go *zemi* *Gjerakina* da go *dovedi* u *majka* je. I *majka* je *ostana napri*, *plačeše*, i mu *velješe* *Kostandinu*, “*Stani Kostandine*, da *dardžiš zboro* *šo* mi *imaš dadeno*, da *odiš* da *vzemiš* *Gjerakinata* i da mi go *donesiš doma*”. I *odješe svjeno* vo *grobo*, *šo* *plačeše*. I se *veli*, *prikaznata* se *veli* *šo* *Kostandini stana* od *grobo*, i s *kamen'ata okolu grobo* mu se *storieje kon*, i so *rubjete* *šo* *imješe ublečeno*, *vjeza* nad *kono* i *otjde* u *seloto dž'je bje* *mažena* *Gjerakina*. *Gjerakina toko...* i *břeše oro*, vo *eden mjesto*,

¹³ Записана от информантки Э. Манчо.

¹⁴ Сказка (алб).

¹⁵ Было у нее девять сыновей и одна дочь, дочь звали Джерачина, и... (алб. и кайнас).

¹⁶ Клятва, *besa* (алб).

*shesh*¹⁷ mu velime nje, selutomu, i ka go vide Kostandina šo otide tamo, taz se, mnogo se zaradva, i pobren'a od oro, i otide go vtasa i go stana. Toko toj mu reče, "Bargu", mu reče, "žoš nemame vrijeme, ža se čini nojča", toko Kostandin imreše njollë¹⁸ mu velime nje, po rubjete. Ka mu se vel'e bulgarski nuk e di, njolla, pulla¹⁹. Ja ka se čini, sika ese njollë, e, njollë. I mu reče, "Žoš esi sika", mu reče, i derdžin merišiš, nemaš duša dobra, toko imaš duša od kal, (<...>), imaš duša od kal. "Ustavj zbori", mu reče Kostandin, "toko vljezi nad kono, i ajde da begame". "Čekaj da odam doma da ublječam rubjete". I mu reče, "Ako ža dojda za dobra, da se ublječam masno, ako ža dojdam za slaba, da se ublječam vo čarno". "Nje, sika kaj šo esi", mu reče Kostandini. Vljezi nad kon'o, vljezi nad kono i poben'ae, poben'ae, stasaje vo portata, i Kostandin mu reče, "Baraj vo portata ti, da oda jeskaj da vardzam kono, šo da ježi nješ, žoš ža se vine mnogo u majka ti". "Dobro", mu reče taz, i otidoje kaj kaštata, toj otide i vljeze vo groba, opet, Kostandin. Tropna vo portata, izljeze majka mu, mu reče, "Koj tropi na... vo soj vapë²⁰?"

[В этот момент пришла соседка информантки. Интервью возобновилось примерно через два часа и мы попросили Эльпи продолжить сказку с того же места]

EM: Toj se digna vo grobo, a Doruntina otide vo kaštata, tropna vo portata i izl'eze majka je, upita, "Koj e", i mu reče, "Jeskaj jesam Doruntina". "Žoš me mamiš?" mu thotë ajo²¹. "So kogo dojde ti, Doruntina?" "Jeskaj dojde so Kostandina", mu vel'eje... Doruntina. "Šo zborviš mua²²", mu veli majka je, "Kostandini tre godini umrjen, žoš nesti trejtur²³", ne znem ka mu se veli kajnas, žoš nesti tretem, domëthënë nuk është tretur akoma në dhë. "Ti je bërë skelet", si e themi ne. "Jo," i thotë. "Kostandini ka vdekur", i thotë, "mos më gënjej!²⁴ ti ža esi nekoja (moča) ili nekoja, nekoj bolest, šo ima dojdëno da mi zemiš i mjene". I otvori portata, go vide majka je i se bačvaje, i koga se bačvaje, umrjeje i jena pana nadvor vo (<...>) drugata pana vnatri. Sika. Toko tua vo Boboštica ne se zborvi mnogo za toz. Ima i varijanti drugi, ena se veli Doruntina, ena se veli Kostandina, ena, sika. Toko vo daskala se učreše.

MM: [В албанской школе?]

¹⁷ Площадь (алб).

¹⁸ Пятно (алб).

¹⁹ Не знаю... пятна, пятна (алб).

²⁰ Жара (алб).

²¹ Сказала она (алб).

²² Мне (алб).

²³ Разложился (алб).

²⁴ Разлагаться, то есть, он еще не разложился в земле. «Ты стал скелетом», мы так говорим. «Нет» — сказала она ей. «Константин умер, — сказала она ей, — не обманывай меня!» (алб.)

EM: Vo albanska daskala. I ana morale²⁵ na saz prikazna ešti so (sic) Kostandino go dardži besën. E mbajti besën²⁶. I umren otide, go donese sestra je pri majka je. Go razberviš? Saz esti ana morale.

MM: [Есть ли эта сказка на кайнас?]

EM: Nje. Vo kajnas nje.

MM: [Только по-албански?]

EM: Vo albanski. Vo kajnas nje. Vo kajnas esti toj šo, ti rekoj, ima çarno je, kratkoumen, i Kocomijata šo pana vo taranata, i sika. Ese mnogo stare, prikazne, sjes. Šo im praveje babiete, kladeje dečin'ata, bukiti vo son. I dardžeje vo skuto i so sjes prikazne im davješe sono.

*Mare mori Mare — Marie moj Marie*²⁷

Mare mori Mare
Zhashto bello tkesh
I koga çerna nosish
Ali tatko zhalish
Ali stara majka
Ni ti tatko zhalam ni ti stara majka
Samo si go zhalam
Mojto përvo libe
Vojnik mi otide
Vojnik mi otide tri godini i dani
Doma ne se vrati
Samo mi se vrati
Negovoto konçe
Na konçeto pismo
Na pismoto pishi
Omazhise Marie
Za shto ja se uzhenaj
Za vo çarna zema

Marie moj Marie,
Pse pëlhurë të bardhë end,
Dhe cile mban zi,
Babanë mban zi,
Apo nënën plakë?
“As babanë as nënën nuk mbaj zi,
Vetë e mban²⁸ zi
të dashurin e parë,
ushtar më vajti,
ushtar më vajti tri ditë e tri vjet,
Ne shtëpi s’u kthye,
Vetë u kthye,
Vetë u kthye kali i tij,
Mi kalë një letër,
Në letër shkruan,
Martoju Marie,
Pse unë u martova,
Me tokën e zezë.”

²⁵ Мораль (алб).

²⁶ Клятву. Сдержал клятву (алб).

²⁷ Этот текст и следующий за ним записаны Э. Манчо параллельно на кайнас и на албанском языке (в котором прослеживается влияние корчанского городского диалекта). Орфография оригинала на кайнас сохранена. Орфография албанского текста приближена к литературной: уточнено написание похожих букв (*i* и *j* в некоторых позициях, *ë* и *e*). Лишние символы находятся в косых скобках; символы, которые должны стоять на их месте — в квадратных. Более масштабная правка вынесена в примечания. Мы благодарны Й. Шемко и И. Шкрели за помощь в нормализации албанского текста.

*Kocomijata sho pana vo taranata — Kocomiu që rra në t[ë]ran*²⁹

Na bjeshe eden star i ena starica, sho bjeje mnogo rabotlivi[,] toko nemjeje çelet.

Za çelet storiје eden gllushec i mu klladoje imjet “Kocomija”.

Starata kaj majka go nauçjeshe Kocomijata[,] sho da çinjeshe svjete rabote po kashtata i da pravjeshe i varenje.

Eden den staro i staricata pobenjaje na niva da rrabote i go poraçi starata; Kocomijata

— Da çinish svjete rrabote po kashtata i da ni varish tarana; toko taranata koga da go boravish[,] da go boravish so allxhicata goljema[,] nje so allxhicata maleçka. Zhash da ne panish vnatri vo tenxherata so tarana i zha se poparish.

— Dobre[,] mu reçe Kocomijata i i provodi starata i stareco. Kocomijata i stroi svje rrabotjete i fali da izvari taranata[,] toko zaboravi da go nakatosvi taranata so allxhicata golema i go nakatosva so allxhicata maleçka i pana vnatri vo tenxherata i se popari.

Dojdoje ot nivata i staro i staricata[,] vlegoje vnatri[,] rrabotjete bjeje storene[,] toko Kocomijata ne se pulej nide.

Vikna starata okollu i vnatri kashtjetum[:] “more Kocomija gjesi[,] more

Na ishte një plak dhe një plakë qe ishin shumë punëtores, po që s’kishin fëmije.

Për fëmijë e bënë një miush dhe ia vunë emrin “Kocomija”³⁰. Plaka si nënë e mësonte Kocomijata si të bënte të gjitha punët e shtëpisë dhe të gatuate.

Një ditë plaku me plakën shkuan në arë që të punojnë dhe e porositi plaka Kocomiun:

— Të bësh të gjitha punët e shtëpisë dhe për drekë të na zjesh t[ë]ran. Po t[ë]ranin kur ta zjesh ta trazosh me lugën e madhe, jo me lugën e vogël, [se]pse mos biesh brenda në tenxheren me t[ë]ran dhe përvelohesh.

— Mirë, ju tha Kocomija dhe i përcolli plakun dhe plakën.

Kocomija i bëri të gjitha punet e shtëpisë; dhe shtiri të zjejë t[ë]ranin. Po kur e shtiri t[ë]ranin në tenxherë, në vend që të mer[r]te lugën e madhe ashtu si e porositi³¹ plaka, ajo³² mori lugën e vogël[,] përzjeri tranin dhe ra brenda në tenxhere e u përvëlua.

Erdhi nga ara plaka me plakun, hynë brenda, të gjitha punet ishin të bëra; mi zjarr ishte tenxherja me t[ë]ran; po Kocomija nuk dukej gjëkund.

Thiri plaka rreth e rrotull shtëpisë,

²⁸ Должно быть *mbaj*.

²⁹ Алб. *trahana*, -ja — каша из дрожжевого теста с молоком.

³⁰ Здесь и далее имя главного персонажа используется то в албанской форме, то в славянской. Мы не унифицировали это.

³¹ Должно быть *si e kishte porositur*.

³² Должно быть *ai*.

gjesi[,] nije dojdjme ot rrobotata[,] gjesi more[,] gje?"

Toko nikoj ne mu zborvjeshe. Starata vide sho ne bjeshe allxhicata maleçko[,] zhosh vo ena pjata imjeshe ustaveno allxhicjete.

[“]Obo-bo[”], vikna staricata starutomu.

— Kocomijata ima panato vo tenxherata so tarana[,] zhosh guma boraveno taranata so allxhicata maleçka.

I taka bje istina.

Koga go boravi starata taranata[,] Kocomijata bje vnatri, poparen. Mnogomnogo se domarznaje starata tarna kosta ot gllavata, stareco i tarna musnicjete nad noso.

I vljeze vnatri eno vrapçe tarçeniçkum u vida starata bes kosem[,] staro bes musnice i mu rreçf: “[Zhosh este sika?”]

[—]Ustavise more vrapçe “Kocomiata ni se popari vo taranata[”].

Vrapçjet tarna pendosqete ot bishto; sjede nat oxhako; oxhako go vide bes bisht i mu reçe: “[Zhosh esi sika?”]

[—] Nego znjesh ti sho ima ngjanisno[, —] i mu reçe vrapçjeto? Sika — i sika[:] ka go çu oxhaku i se izurva i kamenjata panoje dollu.

Vrapçjeto taka koj sho bje otide vone dervo so llapqe i mu prikaza sho imjesh ngjanisano. Derrvoto so llapqe se u mërza mn[o]go i izurva dollu svjete llapqe, tamo otide eden prase, prasjeto mu rreçe llapqetem: “[Zhosh

hyri brenda dhe thër[r]iste: “More Kocomija, ku je more, ku je?” pa asnjë përgjigjë nuk merrte. “Neve erdhëm nga puna”, plaka sillej rrotull; kur mi pjatë shikon që nuk ishte luga e vogël, “Obo[-]bo”, i thiri plaka plakut.

— Kocomijata ka /r/rënë në tenxherën me t[ë]ran, [se] pse e ka përzierë t[ë]ranin me lugën e vogël.

Dhe ashtu ishte vërtet.

Kur plaka e përzjeu t[ë]ranin, Kocomijata ishte brenda perrë. Shumë shumë ju mërzitën. Plaka hoqi leshrat koka, plaku /ç/[sh]kuli mustaqet nënë hundë. Ozhaku që ishte afër u rrëzua i tëri nga dëshperimi. Hyri brenda një rabeckë³³ duke nxituar dhe pa plakën pa leshra, plakun pa mustaqe, oxhakun të renë, dhe u tha:

— Pse jini kështu? Ç’/farë ka ngjarë?

— Lëre moj robecke, lëre, Kocomija është përveluar në tenxherën me t[ë]ran.

Rabecka nga dëshpërimi /ç/[sh]kuli pendët nga bishti. Rabecka ashtu siç ishte fluturoi në një dru, që ishte mbushur plot me mollë. Druri i mollës kur e pa rabeckën pa bisht i tha:

— Ç’/farë ka ndodhur?

Rabecka ia tregoi të gjitha.

Molla u dëshpërua shumë dhe nga dëshpërimi i rrezoi i të gjitha kokr[r]at poshtë.

Atje na vetë një derr dhe i thotë:

— Pse i ke rrëzuar të gjitha kokr[r]at? Dhe molla i tregoi ngjarjen.

³³ ‘Воробей’. Здесь и далее в оригинале *robeckë*.

imashe izurvano svjete llapqe?["]; llapkata mu prikazha[: "][Sika i s[i]ka ima ngjanisano["].

I prasjeto mu rreçe[: "[Mn[o]go dobre; svjete sjes llapqe zha izjedam je["]. I taka stori praseto[,] izjede ena po ena svjete llapqe i reçe.

[—] Dobre mu se stori Kosomiu-tomu[,] zhosh toj ne stori kaj sho go poraçi majkata.

Majqjete trebi da i çuvime[,] zhosh tjes znje po veqe i po mnogo ot ine.

I sika starata i stareco ustanae bes Kocomiata opet sami. I zhive i rrabote eshte vo tas kashta maleçka vo toj sello. Zha odime da i vidime.

— Shumë mirë iu bë Kocomijës³⁴ — tha deri pa i erdhur fare keq — te gjitha këto molle do t'i ha unë.

Dhe ashtu bëri, i hëngri të gjitha mollët një e nga një dhe tha:

— Mirë ju bë Kocomiut pse ai nuk bëri dhe nuk dëgjoi nënën e tij.

Nëna starata dinte më shumë dhe ishte më e madhja, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë³⁵. Dhe kështu plaka dhe plakun mbetën përsëri vetëm pa Kocomiun, po shumë punëtorë.

Dhe jetojnë e punojnë në atë kasollën e tyre në atë fshat. Në atë fshat do vemë³⁶ dhe ne t'i takojmë dhe t'i shikojmë, dhe të mësojmë prej tyre.

³⁴ Должно быть *Kocomiut*.

³⁵ Должно быть *Nëna plakë dinte më shumë dhe është më e madhe, prandaj porositë e prindërve duhet t'i dëgjojmë*.

³⁶ Должно быть *do vemi*.

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

16

Грамматика славянских диалектов.
Механизмы эволюции. Утраты и инновации.
Историко-типологические явления

Москва 2013